

**МИХАИЛ
НИКОЛАЕВИЧ
ЩУКИН
(1953)**

ОБ АВТОРЕ

Уроженец села Мереть Сузунского района Михаил Щукин в 17 лет пришел в сузунскую районную газету, которая стала его первой творческой школой. Позже он сотрудничал в областной газете «Советская Сибирь», в журнале «Огонек» и «Литературной газете», окончил Высшие литературные курсы.

Вслед за первой книгой молодого прозаика «Посидели, поговорили» (1980 г.) появилась вторая – «Дальний клин» (1982г.). А роман «Имя для сына» (1986г.) был отмечен премиями имени Николая Островского и Ленинского комсомола. Всего же известный сибирский писатель выпустил полтора десятка книг, увидевших свет в разные годы в Новосибирске, Москве и за рубежом.

В 1994 году М.Н. Щукин был избран секретарем правления Союза писателей России, а годом позже стал редактором начавшего выходить в Новосибирске журнала для семейного чтения «Сибирская горница».

В некоторых своих произведениях автор затрагивает тему Великой Отечественной войны. Повесть «Дальний клин» посвящена людям сибирской деревни, подвигу женщин – хлеборобов в военные годы.

ДОРОГА ИВАНА ЧЕЗГАНОВА

Документальная повесть

Он вернулся словно после долгой работы на хлебном поле. Осторожно ставя ноги на землю, спускался по узкой, стоптанной набок тропинке, к своему дому. Толкнул калитку и присел на ступеньку крыльца, не в силах сделать несколько шагов до двери.

Жадными глазами смотрел вокруг, и ему показалось на миг, что действительно он вернулся с хлебного поля.

Но слишком огромным было это поле – от Москвы до Германии, - слишком трудную работу он делал – воевал, и к нему не раз приценивалась смерть, слишком долго и трудно шел он жестокими километрами, слишком много видел страданий и крови, чтобы забыть, хотя бы на миг, о том, что выпало ему испытать на длинной дороге, которая началась вот у этого крыльца, и по которой он пять лет шел солдатом.

Дорога начинается у крыльца

Осень горела листвой осыпающихся колков, несла паутину, еще не оборванную затяжными дождями: сентябрь, блестящий и разноцветный, уходил тихо и неслышно.

В селе хрустально и весело зазвенели первые осенние свадьбы.

Было Ивану Чезганову в это время девятнадцать лет, и все, что ждало его впереди, казалось светлым и радостным, как ясный погожий день. Прибегал после работы домой, умывался, наскоро ужинал и торопился на голос веселой гармошки, что заливалась соловьем возле клуба.

Выходил Иван за калитку, оглядывался – не смотрит ли отец, сжимал сапоги «гармошкой», сдвигал на затылок кепку, как носили их герои фильмов о трактористах, и – был таков до первых петухов.

Весело жил парень, без оглядки. Но ловил иногда на вечеринках внимательные девичьи взгляды и всерьез задумывался о будущем, да и отец все чаще напоминал: семя плодом сильно, а мы, крестьяне, родом своим.

Издавна были Чезгановы хлеборобами, огрубелыми руками нянкали щедрую землю, поливали обильно ее соленым потом, чтобы сладким был урожай.

Хлеборобом пришел на поле и Иван, только держался он уже не за ручки конного плуга, как дед и отец, а за штурвал трактора ХТЗ.

С гордостью выезжал за околицу на своем железном коне, делал обычную и извечную, как ломоть хлеба, работу.

И кому же, как не ему, Ивану, продолжать славный род хлеборобский? Вот почему в пору осенних свадеб задумывался парень о будущем, о том, что пора ему обзаводится семьей, своим гнездом.

Твердо решил: через два года, когда отслужит в армии, рассыпаясь звонкими колокольчиками, под частушки и гармошечные вскрики понесется по селу и его свадьба.

В конце сентября пришла повестка из военкомата. Лучшего тракториста провожали всем селом. И когда уже далеко отъехала от Шарчино подвода, оглянулся он назад, увидел разноцветную толпу, услышал, как, затухая, летела вслед песня:

-Ах, куда же ты, Ванек, ах, куда ты ...

-На службу красноармейскую, - не оборачиваясь, рассмеялся пожилой возница

– Ты, Ванюха, не расстраивайся. Из армии придешь – все девки твои будут.

-А как же! Все мои будут! Дай на вожжи, прокачусь напоследок!

Щелкнул кнут, ходко взяли в намет кони, застучали колеса телеги по ровной, еще не размытой дождями дороге. И полетели, полетели навстречу горящие колки и желтые, линияющие, уже пустые поля.

-А ну наддай еще немного! – кричит Иван, широко расставляя на телеге ноги и с цыганским присвистом размахивая над головой кнутом.

И летела на встречу длинная дорога, то прямая и ровная, то с поворотами и ухабами, и летели по ней кони, словно хотели настигнуть ее у горизонта, где пролегла она широкой лентой в голубую небесную кипень.

Длинная, длинная дорога...

НЕ ЗАБЫТЬ!

*Мы сотни верст и тыщи верст земли,
Родной земли, завещанной отцами,
Топча ее, в страде войны прошли
С оглохшими от горечи сердца.
Из боя в бой мы шли, из боя в бой,*

*И, отступая в страшный час разлуки,
Мы не могли, солдаты, взять с собой
Всех тех, кто к нам протягивали руки.*

А. Твардовский

За рекой, в настороженной тишине, лежала чужая земля. Пять, шесть сотен метров – и другая территория, другая жизнь, другие законы. Пограничный наряд возвращался со службы. В последние дни в наряды стали ходить по три человека вместо двух, время наступало тревожное.

Пограничник, что шел позади Ивана Чезганова, негромко проговорил:
-Ну и ночка. Не по себе даже.

Иван молчал. В этом возмужавшем за два года пограничнике, трудно было признать сейчас того девятнадцатилетнего парня, веселого, разбитного. Окреп, раздался в плечах, резче стали черты лица.

Службу Чезганов начал на одной из отдаленных застав в Читинской области. Но в 1939 году, когда Красная Армия, ликвидируя опасность вторжения фашистов, освободила Бессарабию и государственная граница СССР пролегла по реке Прут, он вместе с другими пограничниками - забайкальцами был переведен на западную границу.

Застава в молдавском селе Тицкань входила в состав 23-го Краснознаменного кавалерийского погранотряда. Командовал заставой лейтенант Зуев, кавалер ордена Ленина. Награду он получил за бои на Халхин-Голе с японскими милитаристами. Свой боевой опыт он терпеливо передавал своим подчиненным, знал, что он им пригодится.

На переднем крае советских рубежей люди ясно видели приближающуюся грозу.

Однажды Иван получил из дома письмо. Отец недоумевал, почему Иван долго служит. Степан Карпов, которого призывали вместе с ним, уже давно вернулся домой. «Ты, наверное, плохо науку усвоил, – строил догадки старик, – раз тебя до дому не пускают».

А Иван ходил в наряды, вглядывался в чужую территорию, иногда слышал за Прутом шум моторов и отлично понимал, что нескоро ему придется уехать домой. Он и отцу тогда написал: «Служу, я, батя, неплохо, а Степан Карпов скоро ко мне в гости приедет...»

Пришли на заставу, почистили и сдали дежурному оружие. Сели на крыльце, чтобы покурить перед сном:

-А все-таки не сравнить казенный табак с домашним, - сетовал один из пограничников, - вкуса в нем такого нет. Вот у меня дома дед сам табак сажал. Соберет осенью листья, развесит их на баньке, и такой дух стоит, что и закуривать не надо – сыт будешь. Я еще пацаном, было, пристрастился, возьмешь бумажку, крошишь в ладонь этого самосада, разомнешь его и потягиваешь тайком. А однажды дед меня поймал...

-Ну-ка, тише! – Иван прислушался. В небе на большой высоте гудели моторы самолетов. С реки в окна казармы тянуло ночной свежестью, светлело небо, и на земле начинала редеть темнота. Спросонья лениво тьякали в деревне собаки. Стояло над землей то неуловимое мгновенье, когда ночь еще не ушла, а утро еще не вступило в свои права. И неуверенная полутьма лежала вокруг. И ветер тихо шевелил листья тополей.

И вдруг чужая территория взорвалась неистовым гулом, качнулась земля, словно вздрогнула в страхе от того, что предстояло ей вынести.

Один из снарядов упал на плац перед казармой, вывернул черный грунт и вскинул его фонтаном вверх. Зазвякали выбитые стекла окон:

- Застава! В ружье!

Одевались, вооружались, выскакивали на улицу. Над землей уже плотно висела канонада. Немцы точно навели прицелы своих орудий. Второй снаряд разворотил угол казармы, третий врезался в склады, и вместе с осколками взлетели в воздух опаленные гимнастерки и сапоги.

- Что это? – повис чей-то вскрик.

- Без паники, - предупреждал лейтенант Зуев. Он стоял с пистолетом в руке, с расстегнутым воротом гимнастерки, - это война, ребята...

- Покурили... - горько усмехнулся пограничник, так и не успевший рассказать, как поймал его дед.

- Занять оборону!

Через час немцы пошли в атаку. Чезганов лежал за ручным пулеметом и никак не мог справиться с дрожью, которая круто била его тело, никак не мог попасть в черные фигуры, что поднимались в утреннем тумане густой цепью.

- Огонь!

Пулемет вздрогнул от длинной, неприцельной очереди. Несмотря на потери, немцы все также упрямо катились к заставе.

- Диск давай, диск! – крикнул Иван своему второму номеру. Ответа не услышал. Обернулся и в ужасе перекошил лицо – его второй номер, пограничник последнего призыва, лежал, запрокинувшись на спину, и из пробитого на вылет горла, булькая и хрипя, вылетали темные сгустки крови, красили в алый цвет тонкую по-мальчишески худую шею.

- Стреляй! Стреляй! – кричал лейтенант Зуев, перебегая к нему, - стреляй, я тебе приказываю!

Чезганов трясущимися руками вставил новый диск. И тогда Зуев плашмя упал возле него, он снова открыл огонь. Короткими экономными очередями.

- Ничего, Чезганов, ничего, только панике не поддаваться.

Зуев взглянул на лицо своего солдата и не узнал его. Отвернулся, пополз в другую сторону.

Атака немцев захлебнулась, а потом тяжелые изнуряющие сутки слились, как страшный сон, в сплошной грохот, в дрожание раскаленного пулемета, в стоны раненых, и над всем этим властвовал сухой, душный запах сгоревшего пороха и пыли.

Если бы Чезганова спросили, что он делал в эти сутки, он бы не смог ответить, он потерял чувство времени и все, что грохотало, горело и дымилось вокруг – весь мир сузился для него до прореза прицела пулемета.

Когда поступил приказ отходить, от личного состава заставы осталось половина.

Горькие дороги отступления... Дороги, забитые беженцами, повозками с ранеными, отходящими частями, жуткий, нарастающий звук пикирующих бомбардировщиков, короткие бои и леденящий душу крик «Окружили!» Все это видел и испытал Иван Чезганов, прошагав от заставы до города Каменец - Подольска.

И не раз спрашивал у своего земляка из Черепанова Федора Федина:

«Что же это такое, а?»

С Федором они вместе служили еще на заставе в Читинской области, потом на западной границе, вместе там приняли свой первый бой и сейчас, в отступлении, делили горечь неудач и последнюю щепотку махорки.

А дороги отступления уводили все дальше. Недалеко от Каменец-Подольска пограничники увидели на обочине дороги санитарную машину, разбитую при воздушном налете. Мотор ЗИС – 5 был разнесен вдребезги, клочья брезентового тента и щепки кузова валялись далеко вокруг, а земля была бурая от крови.

- Больше тридцати раненых было в кузове, - рассказывал кто-то из очевидцев, - видел фашист Красный крест на брезенте и специально гонялся...

Лейтенант Зуев, исхудавший и почерневший в эти дни, говорил:

- Ничего не забываете. Все запомните, чтобы потом отомстить. Раз уж начали драться, нечего кулаков жалеть...

В Каменец-Подольске остатки пограничной заставы влились в стрелковый полк. Ивана Чезганова и еще двоих пограничников направили на ускоренные курсы по подготовке младших командиров в Москву.

Прощался с товарищами, со своим командиром лейтенантом Зуевым, с земляком Федором Фединым.

- Ну, счастливо, Иван, может и сойдутся наши дорожки, если живы будем...

Земляки остались живы. Только дорожки их сошлись почти через три десятка лет. Год назад, когда Иван Петрович дожидался на вокзале в Черепанове своего поезда, случайно увидел путевого обходчика, походка и лицо которого показались знакомыми.

«Нет, не может быть! Не он», - думал Иван Петрович. Но все-таки не выдержал:

- Ваша, фамилия Федин?

- Иван, откуда ты?

Пассажиры на перроне с удивлением смотрели, как со слезами на глазах обнялись эти уже пожилые, поседевшие люди.

О многом рассказал в тот вечер своему другу Чезганов. Пройти даже краткосрочные курсы, куда его направляли, он не успел. Немецкие войска подходили к Москве. Курсы были срочно расформированы, и их личный состав ушел на фронт.

Чезганов попал в полковую разведку артиллерийского полка.

Взять «языка»!

*Мы шли от рубежа до рубежа
Родной земли, прощаясь молча с нею.
Та боль тогда еще была свежа,
Но с каждым днем, как рана от ножа,
Она горела глубже и сильнее.*

А. Твардовский

Тихий густой снег старательно укрывал следы войны – убитых на нейтральной полосе, воронки с грязными кругами выброшенной при взрыве земли, подбитые танки. Мягкий, неслышный, он приглушил звуки далекой

канонады, повесив в воздухе вместе с большими хлопьями тишину, она изредка прерывалась внезапными очередями.

Наступал ноябрь сорок первого года.

Немцы в этот день три раза ходили в атаку и три раза откатывались назад.

Иван Чезганов, зачисленный в разведку артполка, весь день пролежал в неглубоком окопе, рядом с нейтральной полосой, корректируя огонь батареи.

Промерз до костей. И только вечером спустился в блиндаж, где светилась раскаленная добела печка, сделанная из железной бочки. Солдаты потеснились, уступили Чезганову место, он сел и разулся. Промокшие, исхоладовавшие за день портянки исходили белесым паром.

Достал из кармана кисет с махоркой:

- Бумажки ни у кого нет?
- Есть! Фрицы исправно снабжают. – Один из бойцов протянул наполовину оборванную немецкую листовку, она призывала сдаваться в плен. – Только и годится, что на курево, да в одно место сходить.

Закурили. Сладкие махорочные дымки поплыли вверх.

- Ох, и вонючая же дрянь, весь вкус у табака перебила!

Солдаты рассмеялись.

С немецких позиций донеслось громкое шипение.

- Ну, сейчас концерт начнется. Через несколько минут над притихшими позициями зазвучал мужской голос, он старательно выговаривал русские слова:
- Солдаты Красной Армии! Опомнитесь, война проиграна! Бросайте оружие и идите домой, вас там ждут матери, отцы, сестры, жены. Они скучают по вас, хотят увидеть вас. Спешите к ним, пока вы живы, спешите к своим родным домам.

Негромко, зазвучала балалайка, потом, вплетаясь в мелодию, чуть слышно запели гармошечные лады. И жаркий тоскливый женский голос зашептал:

- Ванюшенька, сынок мой родной, где же ты пропадаешь, я жду тебя не дождусь...

Чезганов глотал горький махорочный дым, пытался не слушать этого голоса, но он лез к нему в уши. И против воли вспоминалось Шарчино, крутые увалы с застывшими на них березовыми колками, поле, что начиналось сразу за селом, рожь, тугой волной уходившая к горизонту – знакомые места, исхоженные еще ребенком.

Вспоминалась мать, ласково будившая его на заре:

- Вставай, Ванюшенька, солнышко не проспиди...

Он вскакивал с постели и бежал во двор, наступая теплыми босыми пятками на прохладную росную траву.

- Гады! – не выдержал кто-то из бойцов и кинулся к пулемету.

Длинная очередь перечеркнула голос. С немецкой стороны тяжело заработал крупнокалиберный. Завязалась перестрелка.

- Разведчики, к командиру полка!

Иван поднялся, следом за товарищами пошел по ходу сообщения. В тесной штабной землянке мигали две коптилки. Немцы открыли

артиллерийский огонь, языки пламени закачались сильнее, в котелок с недоеденной кашей заструилась земля из-под наката землянки.

Командир полка майор Молчанов прикрыл котелок ватником, повернулся к разведчикам. Перед ним стояло семь человек во главе с лейтенантом. Обратил внимание на одного из них, - стройного сухощавого парня с нахмуренным лицом.

- Когда в полк прибыл?
- Неделю назад, товарищ майор.
- Воевал?
- Так точно, - и, не сдержавшись, горько и со злостью добавил, - от самой западной границы топаю.
- А вот злость тратить не надо зря, она тебе на них пригодится, - майор кивнул в сторону переднего края, - вот с ними надо зло разговаривать. Нужно уметь ненавидеть, понимаешь? Только тогда ты будешь настоящим бойцом. Сожми все остальное в кулак, оставь только эту злость и с ней вой. Иначе победы не будет. А призывался откуда?
- Из Новосибирской области.
- Земляк! – майор улыбнулся и развел руками. – Земляк! Я ведь тоже из Новосибирска. И, словно застеснявшись, отступил к столу.
- Ближе к делу. Нужно взять языка. Позарез, - и провел по горлу ребром ладони.

Разведчики склонились над картой.

...Двое суток они вели наблюдение за немецкой линией окопов. В эти сутки Иван Чезганов передумал о многом, все время вспоминал разбитую под Каменец-Подольском санитарную машину, земля вокруг которой была бурой от крови.

Два разных человека – лейтенант Зуев и майор Молчанов говорили ему одинаковые слова. И он, сибирский парень, хлебороб, понимал, что сейчас нужно быть жестоким, что за кровь нужно платить только кровью.

Первые месяцы войны его многому научили, но только сейчас, в холодном окопе под Москвой, понял он, что уметь стрелять, уметь окапываться, корректировать огонь – мало. Нужно еще уметь ненавидеть. И любить. Любить широкие сузунские проселки, хлебное поле с колосащейся рожью, утренние зори над селом и рычаги своего трактора.

... На следующую ночь семь человек покинули окопы и уползли в сторону немецких траншей. Взлетали сигнальные ракеты, освещая бледным, шатающимся светом нейтральную полосу, короткими очередями били пулеметы. За дальним леском выползала луна, половинчатая, словно срезанная осколком.

И вдруг все взорвалось. Разведчиков обнаружили. Они кинулись назад, но попали под перекрестный пулеметный огонь. А из блиндажей уже выскакивали немцы, стреляли, и пули поднимали на снегу белые всплески. Прорываться к своим было бессмысленно - могли погибнуть под пулеметным огнем.

- Вперед! Всем уходить! – командовал лейтенант.

И тут, в этой жестокой передрыге, Иван еще раз убедился в святой солдатской дружбе. Все время, ни на секунду, не почувствовал себя одиноким.

Отстреливались, оберегали друг друга, но всем удалось уйти. Не зная местности, разведчики зашли в болото и пять суток скрывались на территории противника, в зарослях камыша и под сенью редких, перекрученных ветром берез.

На шестые сутки лейтенант принял решение переходить обратно линию фронта. Была точно такая же ночь, как тогда, когда они уходили на задание. И все так же шатался бледный свет ракет, и все так же выплывала в небо срезанная наполовину луна.

Осторожно, соблюдая тишину, разведчики подошли к немецким траншеям. Потерпев в первый раз неудачу, они действовали теперь осмотрительней. Удачно миновали ближний блиндаж. Можно было уходить к своим, но нужно было выполнить приказ – взять «языка».

Недалеко от блиндажа наткнулись на окоп. Возле ручного пулемета, установленного на бруствере, спиной к ним стоял немец, приплясывая от мороза и пряча огонек сигареты в рукав шинели, курил. Второй, задумавшись, сидел в окопе.

Разведчики подползли ближе.

- Этого я беру на себя, - лейтенант кивнул на приплясывавшего немца, - а второго бери ты, Чезганов. Живым.

Две тени бесшумно скользнули в окоп. Остальные разведчики приготовились прикрывать огнем своих товарищей.

Лейтенант рукой перехватил рот пулеметчику и с хрустом всадил ему в правый бок нож. Иван кинулся на второго немца, но тот успел вырваться, хотел вскочить на ноги, закричать, разевая перекошенный ужасом рот. Чезганов опередил – его железный кулак глухо врезался немцу по голове, и тот сполз на дно окопа.

Гитлеровцы все-таки обнаружили разведчиков. Лейтенант и Чезганов тащили связанного немца к своим и были уже на нейтральной полосе, а остальные прикрывали их отход.

И вдруг с нашей позиции заработал пулемет. Чезганов столкнул немца в лощину, и сам скатился следом за ним. Ящерицей сполз через несколько минут и лейтенант. Он тащил немецкий ручной пулемет, который предусмотрительно захватил из окопа.

Русский пулеметчик был опытным стрелком, пули кучно ложились на снежном бугре, за которым скрывались разведчики. И кто знает, что было бы, если бы не эта крохотная лощинка.

Иван лежал, уткнув лицо в снег, и вдыхал запах морозной свежести, смешанной на половину с горькой гарью пороха от стреляных гильз.

- Свои! Разведчики с «языком»! Не стреляй!

Пулемет смолк. Простуженный бас ответил:

- Пусть кто-нибудь один идет. Без оружия.

- Иди.

Чезганов оставил автомат и пополз к траншеям.

Вскоре все семь разведчиков и пленный немец сидели в теплом блиндаже, и командир стрелковой роты радушно угощал гостей чаем. В углу, докуривая самокрутку, стоял пулеметчик, и смущенно улыбался, досадовал: и это таких-то орлов я чуть положил.

Разведчики вышли на участке другой дивизии и только на восьмые сутки добрались в свой полк.

Майор Молчанов обошел маленький строй, пожал каждому руку и остановился возле Чезганова.

- А я тебя, земляк, и живым не думал увидеть.

Молчанов тогда не мог знать, что еще десятки раз он будет отправлять этого парня на смертельно опасные задания, а он снова и снова будет приходить и стоять перед ним в строю – высокий, худощавый, с нахмуренным лицом, словно легла на него тенью горечь трудно пройденных дорог.

ВПЕРЕД! ВПЕРЕД!

*Вперед, вперед бессонно шли войска,
Ее войска – вперед, презрев усталость.
И не одна нерусская река
Уже за нами позади осталась.
В тяжелейший воз нуждою впряжены,
Его везли мы в гору, не плошая.
Четвертый год! Четвертый год войны...
И вот земля – та самая, чужая.
А. Твардовский*

Артиллерийский полк занимал оборону на Курской дуге, неподалеку от Прохоровки, и оказался в самой гуще сражения. Артиллеристы стояли насмерть, а в критические минуты не раз выкатывали орудия на открытые позиции и били прямой наводкой по железным лавинам немецких танков.

Иван Чезганов корректировал огонь батареи, и когда видел горящие немецкие танки, испытывал сильную радость. Это была месть за горькие дороги отступления.

- Чезганов! Чезганов! – кричал где-то на командном пункте командир полка Молчанов.

Молчанов - теперь уже подполковник.

- Молодец, земляк! К ордену представляю!

Иван передал новые координаты и увидел, как перед двумя «тиграми», что вырвались вперед стеной, выросли серые разрывы. Один танк задымил, у второго прямым попаданием разворотило башню.

- Как фуражку сняли! – восхитился он искусной стрельбой артиллеристов.

Обескровив немецкую группировку, наши войска перешли в наступление. Впереди был чудный Днепр, впереди была Украина, и уже ничто не смогло остановить советских солдат.

Иван Чезганов шел по знакомым местам – Каменец-Подольск, Ковель, Тернополь. Он отступал через эти города в сорок первом и сейчас вернулся сюда. Освободителем.

На вылинявшей гимнастерке младшего сержанта Чезганова светились медали «За оборону Москвы», «За боевые заслуги», орден Красной Звезды и орден Славы 3-ей степени. А после боев на Украине на груди Чезганова заалел гвардейский знак. Артиллерийскому полку приказом Верховного Главнокомандования было присвоено почетное наименование гвардейского.

И снова дороги. Дороги победного шествия по польской земле. И снова бои, радость побед и горечь утраты товарищей. Ивану Чезганову было чуть больше двадцати, но то, что он испытал, сделало его вдвое старше. И молодые солдаты, что прибывали с пополнением, с уважением посматривали на этого рослого гвардейца и чувствовали его заботу.

И теперь уже сам Иван учил воевать других, как учили его когда-то лейтенант Зуев и подполковник Молчанов.

В Польше прибыло новое пополнение, и Иван встретился с земляком Игнатом Александровичем Варенниковым из поселка Ояш Новосибирской области.

Постоянная опасность, боевая обстановка крепко сдружили Чезганова и Варенникова, рядового Косяненко из Комсомольска-на-Амуре и Равгата Юсупова из Татарии.

Командир полка доверял этой четверке самые опасные задания и знал, что помешать разведчикам, выполнить их, может только смерть.

Бои уже шли на территории Верхней Силезии. Больше двух суток удерживали немцы полуразрушенное здание фабрики. А утром на следующий день на фабрике все стихло.

Здесь, в Польше, через шесть месяцев нашла Ивана Чезганова посылка из дома. Носки, домашние пряники и махорка – немудреный, но бесконечно дорогой для солдата подарок.

Четверо разведчиков уже «приканчивали» посылку, когда их нашел ординарец Молчанова. Варенников заметил его еще издали и встретил вопросом:

- Ну, как там, «батя» по нам не соскучился?

Варенников с первого же дня стал у разведчиков признанным шутником и балагуром. За веселый характер, за лихую смелость любили его товарищи.

- Соскучился. Обещал тебя в тыл отправить, - серьезно ответил ординарец.

- Меня в тыл! С ума сошел парень, того – Варенников покрутил пальцем у виска и беспомощно оглянулся на Чезганова. Тот, перехватив плутоватый взгляд ординарца, улыбнулся.

- Не бойся, Варенников, «батя» нас от себя никуда не отпустит. До победы, говорит, Варенников со мной будет, а то со скуки помру.

- Вызывает он вас, товарищ гвардии сержант.

Через полчаса Молчанов провожал своих разведчиков на задание. Нужно было установить - оставить фабрику или нет. Разведчики почти добрались до фабрики, когда фашисты открыли ураганный огонь из пулеметов и автоматов.

Четверка солдат оказалась почти беззащитной на чистом месте. Кинулись в сторону, добежали до железнодорожной насыпи и кубарем скатились вниз.

Немцы, увидев, что русских солдат всего четверо, усилили огонь, не давая им вырваться из пристрелянного ими квадрата. А возле фабрики уже рассыпалась реденькая цепь – немцы решили взять разведчиков в плен. Чезганов хорошо понимал, что стоит только сделать несколько шагов к своим и эти шаги для них будут последними. Оставался один выход – отбиваться от немцев здесь, скрываясь за насыпью, Иван положил перед собой запасной диск, оглядел товарищей, они его поняли без слов, приготовились к бою. Юсупов зло прищурил глаза, они стали еще уже, побледнел Косяненко, сжимая

приклад автомата, а Варенников повернулся к Чезганову и раздосадовано пробормотал:

- Ничего не жалко, жалко только, что твой табак, командир, докурить не успели...

Немцы подходили все ближе. И когда до них оставалось метров сто, Чезганов открыл огонь. Цепь залегла, но ползком, словно серые ящерицы, немцы все ближе и ближе приближались к полотну железной дороги.

И тогда разведчики слышали шум с наших позиций. Сначала ничего не поняли, а потом разобрали мощный крик «ура». Товарищи не оставили их в беде.

Все еще бледный от пережитого Молчанов встретил разведчиков на своем КП. Расцеловал каждого и шутливо сказал:

- Вот теперь я верю, что вы от пуль заговорены. Попробуйте только до победы не дожить... – командир полка вдруг отвернулся.

- Товарищ подполковник, – выручил Варенников, – табачку хотите сибирского? – и протянул старенький кисет.

Нет, не отвоевался!

*Четвертый год! Четвертый год войны
Нам локти мажет желтой прусской глиной.*

*И тысячи стволов наведены
Указками дороги до Берлина.*

*И в этот грозный предреченный час,
У этих сел, фольварков и предместий*

*О месте не спрашивайте нас,
Спросите так: верны ль мы нашей чести?*

А. Твардовский

Из советских солдат мало даже кто помнил название этого немецкого городка, в котором за каждый дом, этаж, подвал, за каждый метр забетонированной земли приходилось платить кровью и жизнью.

В одном из старинных особняков засели эсэсовцы и оборонялись с отчаянностью обреченных. Плотным огнем отбили они наших пехотинцев, пытавшихся взять особняк лобовой атакой. Фауст – патронами подбили две «тридцать четвертки», и они дымили, закрывая половину особняка клубами дыма.

- Погибли ребята, – подполковник Молчанов, расположивший свой КП в одном из подвалов, сердито спрятал в футляр ненужный сейчас полевой бинокль, – как на ладони были видны особняк, изрытый осколками и пулями, окна, заложенные мешками и песком, и исходящие дымом, словно костры, залитые водой, «тридцать четверки».

Видны были трупы бойцов, убитых при атаке, – серые бугорки на серой, припорошенной каменной пылью мостовой.

Где-то в другом конце города сухим хворостом под жарким огнем горела перестрелка, то утихала, то вспыхивала снова.

Молчанов сел на пустую бочку, позвал связного и коротко приказал:

- Разведчиков ко мне!

- Есть!

Через несколько минут в подвал вбежал Иван Чезганов, за ним Варенников, Косяненко и Юсупов.

Не дослушав доклада Чезганова, Молчанов махнул рукой и спросил:

- Ну, как, гвардейцы, грызем камушек?
- Грызем, - с губ Варенникова чуть не слетело ругательство, но он вовремя перехватил взгляд командира, закашлялся и смущенно пробормотал:
- Вот черт, наглотался пыли, даже в горле першит.

Молчанов улыбнулся:

- Водички попей. - И уже серьезно. – Видели, сколько ребят пехота оставила?
- Видели, - нахмурился Чезганов, - тут как на столе у мамы все видно – нос к носу стоим.
- Орудия мы не можем развернуть, а помочь пехоте нужно. Особняк надо взять. Боковые окна они не успели заложить, вот по ним вы и ударите из соседнего дома. Пехота пойдет в атаку.
- Ударить можно, дойти надо, - вставил Юсупов.
- Правильно. Поэтому вас и вызвал. Вы ведь гвардейцы у меня. Свяжусь сейчас с командиром батальона, прикажу, чтобы открыл огонь, а вы переходите улицу. Вопросы есть?
- Никак нет! – за всех ответил Чезганов.

Командир полка молча обошел разведчиков и каждому пожал руку, так он делал всегда, отправляя их на особо опасное задание.

- Чтобы живыми вернулись, а то головы поснимаю.

Все рассмеялись.

Пехотинцы открыли огонь. Разведчикам удалось проскочить через улицу.

В пустом доме по стенам струилась штукатурка, до нытья в зубах скрипело под ногами битое стекло. Пахло дымом.

Чезганов пинком открыл дверь, первым вбежал в боковую комнату. В окнах крестами чернели пустые рамы. Совсем рядом, в каких-то двадцатитридцати метрах, высился особняк. Первым Иван увидел высокого эсэсовца, который волоком тащил по полу патронный ящик. Недалеко от крайнего окна сидел раненый, без усталости раскачивал замотанную в бинты голову.

Многое повидал Иван за эти годы, не раз ему дышала в лицо жутким холодом смерть, было ему страшно, как и всякому человеку: слишком сильно любил он жизнь, чтобы не бояться этого жуткого холода. Но еще в сорок первом он отлично постиг науку ненависти, не мог забыть разбитую санитарную машину на обочине дороги и знал, что надо уничтожать людей в ненавистной форме, уничтожать ради миллионов других, ради мира, ради того, чтобы снова повести трактор по весенней пашне, когда разопревшая под теплым солнцем земля, сладко пахнет распаханым черноземом.

Приклад надежного ПППШ крепко вжимается в плечо. Иван поймал в прицел немца, тащившего патроны, и скомандовал:

- Огонь!

Разом, дружно ударили автоматы разведчиков. Среди немцев поднялась паника, многие бросились к выходу, но напоролась на меткие очереди.

Чезганов ловил в прорезь прицела мечущиеся фигурки и бил короткими, экономными очередями.

Не видел он, как из нижнего окна в особняке высунулось острие Фауст - патрона, не слышал глухого всплеска выстрела, он и вздрогнуть даже не успел, когда врезался патрон в подоконник, даже не охнул, жестоко отброшенный взрывом к стене. Ударился головой об пол, закричал от нестерпимой боли, вскочил было на ноги, но тут же упал, охваченный огнем, как просмоленный факел.

Первым к нему подскочил Варенников, обжигая руки, разорвал гимнастерку, сдернул и отбросил ее в сторону. На ноги навалился Юсупов, задавил своим телом огненные языки.

Друзья вынесли Чезганова из дома.

В особняке пехотинцы добивали эсэсовцев. Перегнувшись через подоконник, лежал фаустник, срезанный наповал очередью Косяненко, голова немца в тяжелой каске медленно покачивалась, словно он был еще жив.

...Очнулся Иван в полной темноте. Попытался открыть глаза, но что-то тяжелое лежало на веках, и их нельзя было поднять.

Шевелилась только правая рука, он поднес ее к лицу, и пальцы нащупали мягкую ткань бинта:

- Ослеп... – мелькнула холодная догадка. Хотел перевернуться, но тело не подчинялось. Положив на прежнее место руку, он прислушался. Звонящая тишина покалывала уши.
- Что же это? Не слышу....Оглох? И в конце войны ... - Иван заскрипел зубами, сдерживая булькающие в горле тяжелые мужские рыдания.

Чья-то большая крепкая рука сжала ему плечо. И Чезганов поборол минутную слабость. Замолчал.

Потянулись длинные, слепые и глухие дни, слитые с утрами и вечерами в одну тягостную ночь.

Однажды он очнулся от забытья и услышал мужские голоса, показалось, что бредит. Нет, голоса звучали рядом, Иван хотя и с трудом, но разобрал слова.

Кто-то по-волжски, окая, рассказывал:

- Так и ушел я на фронт. Одна фотокарточка осталась. Не знаю, дождется ли меня Мария или нет. А дождется, нужен ли буду, с одной-то рукой?
- Если люб ты ей, и без руки примет.
- Как сказать...

Чиркнула спичка и, наверное, поперхнувшись дымом, кто-то громко и надсадно закашлялся.

- Ребята, – позвал Чезганов и не узнал своего голоса, тонкого и прерывистого.
- Что? Очнулся, браток? Вот и ладно. Теперь выздоравливать будешь.
- Ребята, что сейчас – день, утро?

Тот же окающий голос ответил:

- Ночь, браток. Весна на улице начинается. У нас еще морозы, а здесь слякоть поплыла.
- Да, у нас так еще прижмет в это время, что в тулупе дрожь пробирает.

С радостью, словно в первый раз, прислушивался Иван к голосам. «Нет, не отвоевался, - думал он,- я еще до Берлина не дошел, я еще...», – и он сжимал в кулак крепкие задубевшие пальцы правой руки.

Утром, на обходе раненых, возле койки Чезганова остановился врач, его тяжелая и крепкая рука легла на плечо Ивана.

- Как дела, боец?
- Лучше, слышать стал.
- Родом откуда?
- Из Сибири.
- Сибиряки народ крепкий, так что держи марку.
- Мне бы только глаза... - несмело попросил Чезганов, - я все вытерплю. Только бы глаза вылечить.
- Вылечим. Но ты не раскисай. Хандра в госпитале, как дезертирство на фронте.

Врач что-то сказал по-латыни сестрам и отошел от койки. Иван долго думал над его словами. Нет, он не сдастся, он все вытерпит, только бы снова вернуться в строй.

Четко вспомнился случай, который произошел во время боев на польской земле. Немцы, окруженные в небольшом лесу, отчаянно пошли на прорыв, оттеснили наших пехотинцев и бросились к железной дороге, пытаясь выйти из окружения.

Немцев было около роты, а против них, наспех заняв оборону, стояли восемнадцать человек из разведки артполка во главе с лейтенантом. Немцы шли в полный рост, без выстрелов, некоторые покачивались.

- Острограммились, - заметил Варенников, - хоть бы с нами поделились что ли, - он мог шутить даже в такую минуту.

Последние слова Варенникова покрыл громкий крик. Один из бойцов не выдержал напряжения, кинулся назад. Лейтенант обернулся и без крика пригвоздил короткой очередью труса к земле. Разведчики отбивались до подхода подкрепления. «Неужели и я, как тот, - думал Чезганов, стыдясь своего отчаяния в первые дни. – Нет, дезертиром не был и не буду».

Он молча, без стопа, удивляя врачей своим терпением, переносил перевязки. И однажды, когда потерял сознание и снова очнулся, услышал, как женский голос с уважением говорил:

- Вот теперь я верю, что они в Сибири с одним ножом на медведя ходят.

Иван улыбнулся искусанными губами. На медведя, да еще с одним ножом, он никогда не ходил.

Зрение вернулось.

Целыми днями Чезганов просиживал у окна, смотрел на чахлые деревца с набухающими почками, на серый забор, на редких прохожих на улице. Внимательно разглядывал лица товарищей по палате.

А через два месяца, закинув за плечи тощий вещмешок с сухим пайком, он уже «голосовал» на шоссе обгоняющим его машинам, добираясь до своего полка.

И час настал!

*... Когда гремел салют салютов
Из всех, какие есть, стволов,
С твоими ратными сынами
Я плакал теми же слезами,*

*Слезами радости, твой сын.
Берлин! О, Родина, за нами,
Берлин, товарищи, Берлин!
А.Твардовский*

В небольшом немецком городишке, неподалеку от Берлина, только под вечер закончился бой. Немцы выбросили белый флаг.

Дымилась развалины, исходили горьким запахом каменной пыли. Быстро наступала весенняя ночь, она приносила едва ощутимую свежесть. Но разведчики ничего не замечали – ни развалин, ни ночной свежести – они спали в подвале, прямо на бетонном полу, сунув под себя автоматы. Почти двое суток не смыкали они глаз и теперь наворачивали упущенное.

В полночь ворвался в подвал часовой, в потолок выпустил очередь из своего ППШ и закричал:

- В ружье!

Чувство солдата на тревогу срабатывает как штык. Вскочили, с оружием кинулись к выходу.

- Что? Десант? – крикнул уже на ходу Чезганов.

- Какой десант! Победа! Победа!

- Победа? – Чезганов не понял сначала, о чем кричал часовой, выбежал из подвала следом за товарищами и опешил на минуту.

В воздухе, разрывая темноту, висели сотни осветительных ракет, густо ложились строчки трассирующих пуль и грохот стоял, как при артподготовке.

И только тогда дошел до него отчетливо смысл этого короткого слова – Победа!

Та самая, путь к которой он начал еще от села Тицкань, и до которой он все - таки дошел.

Потом, в Почетной грамоте Командования 1-го Украинского фронта напишут: «...войска фронта...могучими ударами разгромили врага в среднем течении Дона, нанесли гитлеровцам беспрецедентное поражение в районе Курской дуги, героически форсировали реку Днепр и освободили от фашистских оккупантов древний русский город – столицу советской Украины – Киев. Стремительно наступая, окружая и уничтожая врага на правобережной Украине, освободили города – Житомир, Ровно, Проскуров, Каменецк-Подольск, Ковель, Тернополь, Черновцы, Станислав, Дрогобыч и Львов.

С жестокими боями прошли Южную Польшу, форсировали реку Вислу и освободили вторую польскую столицу – город Краков, и важнейший промышленный центр – Верхнюю Силезию.

Ворвались на территорию Германии – логово фашистского зверя – форсировали реки Одер, Шпре, Нейсе...»

Вот они, победные дороги, политые кровью!

В общий салют влилась и очередь автомата Чезганова – все патроны, что были в диске, ушли в темное германское небо.

«В ознаменование Победы над Германией в Великой Отечественной войне назначаю 24 июня 1945 года в Москве на Красной площади парад войск действующей армии, Военно-Морского флота и Московского гарнизона - Парад Победы...»

Парад Победы принять моему заместителю Маршалу Советского Союза Г. К. Жукову, командовать парадом Маршалу Советского Союза К. К. Рокоссовскому.

Верховный Главнокомандующий Маршал Советского Союза И. Сталин. Москва, 22 июня 1945 года».

За четыре военных года Чезганову пришлось выполнить не один приказ. И он выполнил их все. Он не жалел жизни и крови, чтобы приблизить этот день. И вот последний приказ, последний приказ Великой Отечественной...

Сержант Иван Чезганов, награжденный орденом Красной Звезды, орденом Славы III степени, орденом Великой Отечественной войны II степени, медалями «За боевые заслуги», «За оборону Москвы», «За взятие Кенигсберга», с первого и до последнего дня находившийся на передовой, в числе лучших из лучших был направлен в Москву для участия в Параде Победы.

24 июня он стоял на Красной площади в строю сводного полка 2-го Украинского фронта.

Парад Победы. Парад народа и его славной армии, которые выстояли и победили в самой жестокой из войн, какие знало человечество.

Шел дождь. По козырькам фуражек стекали капли, но никто из участников парада этого не замечал. Все смотрели и слушали, как К.К. Рокоссовский докладывал Г.К. Жукову о готовности войск к параду.

Полки торжественным маршем двинулись мимо Мавзолея В.И. Ленина. Иван Чезганов печатал шаг в дружном строю фронтовиков. Он шел победителем, простой, советский солдат, шел, выполнив священный долг, шел в последний раз в солдатском строю, шел к мирной жизни, к родной земле, о которой тосковал четыре долгих года.

И он вернулся домой. Сидел на ступеньке старенького крыльца и все еще не мог поверить, что длинная дорога осталась позади.

Из окна его увидела мать. Вскрикнула, заплакала от радости. Иван поднялся, рывком открыл дверь:

- Вот и я. Здравствуйте...

Источники:

1. *«Сузун литературный. Из прошлого в настоящее» [Об авторе] / Сост. В. Зотычев. – Сузун, 2009. – С. 113.*
2. *Щукин, М. Н. Дальний клин: Журавлихинские повести / М. Щукин – Новосибирск: Зап. – Сиб. кн. изд-во, 1982. – 192 с.*
3. *Щукин, М. Дорога Ивана Чезганова / М.Щукин*